

Текст: Г. Успенского

(1) Без цели и без малейшего определённого желания идти по той или другой улице я исходил однажды по Парижу десятки вёрст, нося в своей душе груз чего-то горького и страшного, и совершенно неожиданно доплёлся до Лувра. (2) Без малейшей нравственной потребности вошёл я в музей, машинально ходил туда и сюда, машинально смотрел на античную скульптуру, в которой ровно ничего не понимал, а чувствовал только усталость и шум в ушах - и вдруг, в полном недоумении, сам не зная почему, поражённый чем-то необычайным, непостижимым, остановился перед Венерой Милосской.

(3) Я стоял перед ней. Смотрел на неё и непрестанно спрашивал самого себя: (4) «Что такое со мной случилось?» (5) Я спрашивал себя об этом с первого момента, как только увидел статую, потому что с этого же момента я почувствовал, что со мною случилась большая радость... (6) До сих пор я был похож (я так ощутил вдруг) вот на эту скомканную в руке перчатку. (7) Похожа ли она видом на руку человеческую? (8) Нет, это просто какой-то кожаный комок. (9) Но вот я дунул в неё, и она стала похожа на человеческую руку. (10) Что-то, чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно так, когда человек растёт, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом.

(11) Я в оба глаза глядел на эту каменную загадку, допытываясь, отчего это так вышло? (12) Что это такое? (13) Где и в чём тайна этого твёрдого, покойного, радостного состояния всего моего существа, неведомо как влившегося в меня? (14) И решительно не мог ответить себе ни на один вопрос; я чувствовал, что нет на человеческом языке такого слова, которое могло бы определить животворящую тайну этого каменного существа. (15) Но я ни минуты не сомневался в том, что сторож, толкователь луврских чудес, говорит сущую правду, утверждая, что вот на этом узеньком диванчике, обитом красным бархатом, приходил сидеть Гейне, что здесь он сидел по целым часам и плакал.

(16) С этого дня я почувствовал не то что потребность, а прямо необходимость, неизбежность самого, так сказать, безукоризненного поведения: сказать что-нибудь не то, что должно, хотя бы даже для того, чтобы не обидеть человека, смолчать о чём-нибудь нехорошем, затаив его в себе, сказать пустую, ничего не значащую фразу единственно из приличия теперь, с этого памятного дня, сделалось немислимым. (17) Это значило потерять счастье ощущать себя человеком, которое мне стало знакомо и которое я не смел желать убавить даже на волосок. (18) Дорожа моей душевной радостью, я не решался часто ходить в Лувр и шёл туда только в таком случае, если чувствовал, что могу с чистою совестью принять в себя животворную тайну. (19) Обыкновенно я в такие дни просыпался рано, уходил из дому без разговоров с кем бы то ни было и входил в Лувр первым, когда ещё никого там не было. (20) И тогда я так боялся потерять вследствие какой-нибудь случайности способность во всей полноте ощущать то, что я ощутил здесь, что я при малейшей душевной нескладице не решался подходить к статуе близко, а придёшь, заглянешь издали, увидишь, что она тут, та

же самая, скажешь сам себе: (21)«Ну, слава богу, ещё можно жить на белом свете!» — и уйдёшь. (22)И всё-таки я не мог бы определить, в чём заключается тайна этого художественного произведения и что именно, какие черты, какие линии животворяют, выпрямляют и расширяют скомканную человеческую душу.

(23)В самом деле, всякий раз, когда я чувствовал неодолимую потребность выпрямить мою душу и идти в Лувр взглянуть, всё ли там благополучно, я никогда так ясно не понимал, как худо, плохо и горько жить человеку на белом свете сию минуту. (24)Никакая умная книга, живописующая современное человеческое общество, не даёт мне возможности так сильно, так сжато и притом совершенно ясно понять горе человеческой души, горе всего человеческого общества, всех человеческих порядков, как один только взгляд на эту каменную загадку. (25)И обо всём этом думалось благодаря каменной загадке, она выпрямляла во мне скомканную теперешнюю жизнь душу человеческую, знакомила, неведомо как и в чём, с радостью и широтой этого ощущения.

(26)Художник брал то, что для него было нужно, и в мужской красоте и в женской, лоя во всём этом только человеческое; из этого многообразного материала он создавал то истинное в человеке, что есть в каждом человеческом существе, в настоящее время похожем на перчатку скомканную, а не на распрямлённую.

(27)И мысль о том, когда, как, каким образом человеческое существо будет распрямлено до тех пределов, которые сулит каменная загадка, не разрешая вопроса, тем не менее рисует в вашем воображении бесконечные перспективы человеческого совершенствования, человеческой будущности и зарождает в сердце живую скорбь о несовершенстве теперешнего человека. (28)Художник создал вам образчик человеческого существа. (29)И мысль ваша, печалась о бесконечной «юдоли» настоящего, не может не уноситься мечтою в какое-то бесконечно светлое будущее. (30)И желание выпрямить, высвободить искалеченного теперешнего человека для этого светлого будущего, даже и очертаний уже определённых не имеющего, радостно возникает в душе.

(По Г. Успенскому *)